

18+

ШЛЮХА

судьба

Маша Дашивец

Маша Дашивец

Шлюха судьба. Женская проза

«Издательские решения»

Дашивец М.

Шлюха судьба. Женская проза / М. Дашивец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532758-1

Книгу «Шлюха судьба» можно было бы назвать «Женской библией» или «Настольной книгой для женщин». Как выжить и не сломаться, не потерять веру и надежду в любовь! Предательство близких мужчин преследовало героиню. Она встречала на своём пути много известных и влиятельных людей. Её вербовали в КГБ, бегство в тайгу на заимку, расстрелы на границе и многие другие перипетии, которые происходили с моей героиней. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-532758-1

© Дашивец М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	20
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	33
Глава 11	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Шлюха судьба Женская проза

Маша Дашивец

© Маша Дашивец, 2021

ISBN 978-5-0053-2758-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мария стояла на пляже у кромки воды. Солнечные блики слепили её, поэтому она не замечала восхищённых мужских взглядов. Парни неподалёку играли в волейбол, но то и дело отвлекались от мяча и устремляли взоры на девушку.

Брюнет в модных плавках сделал вид, что случайно попал в Машу мячом, с улыбкой поднял мяч и приложил руку к груди:

– Извините! Я такой неловкий! А не хотите составить нам компанию?

Девушка пребывала в своих мыслях, машинально отряхнула песок с плеча и отрицательно мотнула головой:

– Нет, в другой раз...

Продавец кваса плавился от жары рядом с железной бочкой и тоже мечтательно поглядывал на красотку в бикини. Да что там, почти все мужики откровенно пялились на неё. А женщин она раздражала этой своей вызывающей красотой. Ольга украдкой сфотографировала сестру. Точёная фигурка Маши на контражур красиво смотрелась на фоне реки.

Маша ещё не могла оценить того подарка судьбы, который выпал на её долю. До сей поры она была «гадким утёнком», бледной копией своей сестры-близняшки Ольги. Неловкая, несуразная, застенчивая. В прошлом пляжном сезоне она могла сколько угодно дефилировать по берегу в самом смелом купальнике. Грудь нулевого размера и острые коленки служили надёжной защитой от повышенного мужского внимания. И вдруг всё резко изменилось. За считанные месяцы тело Марии стало дивным образом меняться. Высокая красивая грудь, тонкая талия. Женственность и плавность движений появились у девушки словно из ниоткуда. Гены предков – выходцев из скандинавских стран – дали о себе знать. Блондинка со светлой кожей, тонкими чертами лица и голубыми глазами. Такой стояла она у кромки воды в тот день на знаменитом «Третьем» пляже в Серебряном бору.

Ей было шестнадцать, и все мысли её были заняты Григорием Орджоникидзе. Григорий – студент престижного ВУЗа, внук легендарного Серго Орджоникидзе, ему прочили блистательную карьеру дипломата. Разъезжал по городу на крутой красной машине «Вольво». Он не отвечал девушке взаимностью, или умело маскировал свой интерес к ней. А она в своих грёзах сотни раз проигрывала диалог с ним.

– Маш, я давно хотел тебе сказать... – воображение услужливо подбрасывало влюблённой девушке эту фразу. Ведь именно так парни чаще всего начинают свои признания в любви. А потом он – первый поцелуй. Тот самый, который, как говорят бывалые, запоминается на всю жизнь. Но ни пылких признаний, ни поцелуя Маша так и не дождалась от Григория. Они изредка гуляли в парке Горького, ели мороженое, смеялись над какими-то его шуткам. И всё. От знакомых Маша узнала, что родители давно присмотрели Григорию невесту. Конечно же, девушку из определённого круга. Кто же ещё может стать женой будущего дипломата, представителя прославленной династии?!

Машу отвлёк от её мыслей голос незнакомца. Мужик лет под сорок, с жирным пузом и двойным подбородком, картавый и отвратительный. Он даже не пытался скрыть, что «раздевает» девушку взглядом. Она переспросила:

– Что вы сказали?

– Какую красивую девочку, говорю, твоя мама родила... Как зовут?

Маша вовсе не собиралась знакомиться с этим «уродом», как она мысленно его окрестила с первого же взгляда. Она пожала плечами и ничего не ответила. «Урод» бесцеремонно пялился на девичью грудь впечатляющего размера и продолжал атаковать:

– Какая застенчивая... Мне такие нравятся... Так как тебя зовут, моя прелесть?

Маша очень холодно ответила наглomu типу, что «никакая она ему не прелесть» и направилась в сторону сестры, которая загорала на пляжном полотенце неподалёку. «Урод» самоуверенно ухмыльнулся, глядя вслед хрупкой красавице и процедил сквозь зубы:

– Гордая и непроступная, значит?! Ну, ну...

Ольга заметила, что Маша какая-то взвинченная и расстроенная, обеспокоенно заглянула в лицо сестре:

– Машуль, ты чего?

Маша резко ответила:

– Да так, какой-то урод подкатил. Страшный как сволочь и наглый как танк...

Ольга пошутила, чтобы разрядить обстановку:

– Маш, ну а что ты хотела? Это участь всех красивых баб! А мы же с тобой красивые!

Маша недоверчиво посмотрела на сестру, та продолжила:

– Маш, ну без ложной скромности... Ты «крутая тёлка», как вульгарно называют мужики красивых девушек! Привыкай, пялиться будут, телефончик просить, руки распускать...

Маша почувствовала пристальный взгляд, обернулась. «Урод» с прищуром смотрел на неё, попивая импортное пиво из горлышка бутылки в тени раскидистой ивы. Он что-то говорил сидящим рядом мужикам, кивком головы указывая в сторону девушки. Дружки «урода» приветственно помахали Маше, типа, приглашали присоединиться к их компании. Маша отвернулась и скомандовала Ольге:

– Пойдём отсюда! Меня сейчас стошнит от этих рож... Да и для первого раза хватит солнечных ванн. Сгорим.

Девушки стряхнули песок с полотенца, забросили его в яркую пляжную сумку и направились прочь.

Глава 2

Это потом, когда исполнилось шестнадцать, Маша расцвела, на неё стали сворачивать головы мужчины и сыпаться комплименты. А когда-то всё было совсем иначе. Сёстры – близнецы в раннем детстве сильно отличались друг от друга. На фоне ладной хорошенькой Ольги Маша выглядела гадким утёнком. Ей даже казалось, что родители стесняются её. Она ощущала себя неказистой, никому ненужной. Вот опять она забилась в уголок и тихо плакала, наблюдая, как Ольга и её закадычная подруга Леночка Дымова распределяют роли для игры:

– Давай, я буду принцессой, а ты принцем?!

– Давай! Как будто у меня на голове корона и платье со шлейфом!

Девчонки импровизировали, использовали тюлевые накидки на подушки, которые благодаря детской фантазии превращались в наряды особ «голубых кровей». Маше изредка доставалась в этой игре доля безродного слуги под псевдонимом «Саша», но сегодня её и вовсе не взяли в компанию. Подружки были в образе принца и принцессы, сочиняли свою сказку:

– Принцесса, я хочу подарить тебе волшебное кольцо! С розовым камнем!

В роли кольца выступала «золотинка» от конфеты, свёрнутая в несколько раз. Маша размазывала слёзы по щекам, надеясь, что о ней вспомнят и произнесут заветную фразу:

– А где же слуга? Саша, подай принцу шпагу и приведи коня!

Но чуда не произошло. Бабушка, шаркая тапками, брела из кухни, остановилась, услышав шорох. Заглянула под стол, где сидела Маша, обхватив острые коленки руками и глотая слёзы. Бабушка обеспокоенно спросила:

– Машуля, детка, а ты почему плачешь? Обидел кто?

Маша отрицательно pokrутила головой. Детская гордость не позволяла ей признаться, какие муки причиняет ранимому ребёнку ощущение себя отверженным. Бабуля ласково защекотала:

– Внученька, иди ко мне! Иди, моя хорошая... Я думала, вы втроём играете, замоталась со своей стряпнёй... Ты почему к девочкам не идёшь?

И тут Машу прорвало. Она бросилась к бабушке, уткнулась ей в плечо и, захлёбываясь слезами, как на духу, выпалила:

– Всё время так... Они принц и принцесса... А я слуга... Я не хочу быть Сашей... Бабушка, а я страшная?

Пожилая женщина и представить не могла, какие демоны бродят в душе малолетней внучки:

– Да ты что, Маша, Господь с тобой? Ты посмотри на себя... Глазки голубые, только заплаканные сейчас... Волосики шелковистые... Давай-ка, я тебе косички переплету и сказку расскажу...

Маша, всхлипывая, устроилась на коленях у бабушки, а та, как заправский домашний терапевт, имеющий большой житейский опыт, начала рассказ:

– Жил-был утёнок... Маленький, серенький, и все вокруг его обижали...

Маша слушала. Бабушка живописала подробности жития бедной птички. Девочка погрузилась в сказку гениального Андерсена «Гадкий утёнок». Ей были так близки переживания всеми гонимого неказистого детёныша утки. Какой же восторг она испытала, когда бабушка начала пересказывать финальную сцену из бессмертного творения сказочника:

– Гадкий утёнок посмотрел на своё отражение в воде... Как ты думаешь, Машенька, кого он там увидел?

Девочка уже догадалась, но боялась спугнуть удачу, вдруг чуда не произошло? Она пожалала плечами, а бабушка подтвердила её догадку:

– Лебедя! Белоснежного и прекрасного! Он взмахнул крыльями и поднялся высоко в небо! И вместе со стайей лебедей – таких же красивых – улетел в дальние края!

Маша почувствовала, что хотела сказать бабушка. Она поверила, что и в её жизни случатся перемены, и она превратится в прекрасного лебедя. Маша подбежала к Ольге и Лене и предложила:

– А чего вы всё в принца да принцессу играете? Надоело уже! А давайте, я буду утёнком! А вы какими-нибудь другими птицами или зверями...

Девчонки презрительно фыркнули. Они не собирались расставаться со своим миром грёз. Тогда Маша пошла играть одна. Всё та же тюлевая накидка для подушек, выброшенная на широко расправленные плечи и руки, в воображении девочки были белоснежными лебедиными крыльями. В зеркале отражалась всё та же Маша, но с гордо поднятой головой.

Глава 3

Маша довольно рано заметила, что красивым людям достаются любовь и восторги окружающих без особых усилий. Просто потому, что ты родился с симпатичным лицом и хорошей фигурой. У Маши не было в переходном возрасте ни первого, ни второго. Она примеряла на себя внешность окружающих её женщин. Какой она хотела быть, когда вырастет? У Маши был точный ответ на этот вопрос. Эталоном красоты для неё являлась не известная актриса или звезда эстрады, а мама Лены Дымовой – тётя Инна. Колоритная гречанка с невероятной женской харизмой. Девочка интуитивно чувствовала то, что раскрывается с годами взрослым людям. В тётя Инне таилась сексуальность, та самая, на зов которой, как на манок, тянутся мужчины. Красивые глаза, тонкие черты лица и внутренняя энергия – вот слагаемые того, почему Маше так хотелось быть похожей на эту даму. Она невольно любовалась, когда «эталон красоты» просто совершала обыденные действия: поправляла причёску, улыбалась, ласково окликала свою дочь:

– Леночка, пора обедать, борщ остывает...

Инна оказала большое влияние на Машу. Дочь Жоржа Костаки – грека, который приехал в послереволюционную Россию с канадским посольством и работал водителем у посла. Её отец прошёл путь от обычного водителя в Посольстве до начальника гаража и знаменитого на весь мир коллекционера. Жорж начал коллекционировать иконы поскольку он постоянно видел как послы в России интересуются русской живописью. И здесь в России он встретил свою судьбу и будущую мать его четверых детей – Зину. Голодные годы прошли, у Жоржа Костаки за это время сформировалась солидная коллекция старинных икон. А он, почуввав страсть к изобразительному искусству, начал собирать картины российских художников. Это было не просто хобби, вкус и интуиция подсказали Жоржу, произведения каких именно художников стоит приобретать. Он стал первым, кто начал продвигать на Запад российских авангардистов.

Бывая в доме семейства Костаки, Маша невольно погружалась в атмосферу, напоминающую музей изобразительных искусств. Повсюду были живописные полотна, иконы, предметы старины. Это не могло не повлиять на вкус ребёнка, зародившееся чувство прекрасного в ранние годы жизни у детей остаётся с ними навсегда. Семья Маши была дружна с семейством Костаки. Тётя Инна любила и умела красиво жить и приобщала к этому свою дочь Лену и сестёр Машу и Олю заодно.

Инна сообщала:

– Лена, Оля, Маша, такси у подъезда! Поехали кутить в «Русскую избу»!

По разбитому Ильинскому шоссе они подруливали к ресторану, славившемуся русской кухней. Уже у входа витал аромат наваристого борща – фирменного блюда заведения. Дети радостно усаживались за столик, вертели в руках меню, как заправские завсегдатаи ресторана, тыкали пальчиками в строчки:

– Мне, пожалуйста, борщ, компот... И ватрушку с повидлом...

Официант уже привык к регулярным визитам «троицы» – трёх девчушек в сопровождении Инны. Он учтиво кланялся, приняв заказ, и удалялся на кухню. Обеды проходили весело. Ели вкусно, болтали, глазели на нарядных посетителей. Учились соблюдать этикет. Эти уроки жизни не прошли для Маши даром. Инна доставала сигареты, закуривала. В эти моменты она была прекрасна. Тонкая сигарета в изящных руках гречанки, струйка голубова-

того сигаретного дыма и точёный профиль Инны – эта картина очень впечатлила Машу, которая мечтала вырасти похожей на казавшуюся ей божественной особу.

Поездки в ресторан в её «копилке воспоминаний» заняли особое место. По дороге в «Русскую избу», за окошком мелькали уютные деревенские дворики. Местные жили неторопливо, размеренно. Наливали воду в вёдра из колонок, поливали огороды. У Маши с той поры возникла любовь к этому местечку. Старый храм и вековые липы – картинки из детства, ассоциирующиеся со словами «Мечта» и «Счастье».

Семейство Костаки покинуло Россию в конце семидесятых, они эмигрировали в Грецию, но общение с этими благородными людьми навсегда оставило глубокий отпечаток в памяти девочки.

И ещё кое – что Маша тоже поняла довольно рано. Даже не очень красивый человек может быть неотразимым. Если есть в нём некая наполненность. Ум, талант, какие-то способности. Брат Маши встречался с девушкой. Обычная милая особа, ничем не выделявшаяся из тысяч ровесниц. Но однажды во время своего визита она была с гитарой. Подруга брата начала играть и петь. Маша перехватила взгляд молодого человека. Было видно, что он в восторге от девушки, её пения, и страшно горд, что ему досталось такое сокровище. Щёки его подружки румянились, она понимала, что производит определённое впечатление. А брат не скупился на комплименты:

– Свет, ну ты у меня прям «Девушка с гитарой»...

Певунья смущённо возражала:

– Да брось ты...

– Нет, правда, Маш, скажи?!

Маша вынуждена была признать, что брат прав, она кивнула и подтвердила:

– Ага, здорово... Я так не умею...

Сказать-то Маша сказала «не умею», но уже через несколько дней она несмело брала аккорды на гитаре. Для себя она решила, что обязательно научится классно играть и петь, благо, вокальные возможности позволяют. И она докажет окружающим, что то, чего не дала природа в плане внешности, можно с успехом компенсировать талантом и умом. Для того чтобы развиваться интеллектуально, Маша принялась за чтение хорошей литературы. Все вложенные ею усилия обернулись бонусами. Переходный период закончился, она сформировалась красавицей, а умницей, музыкантом и певицей она сделала себя сама, и решила, что никогда не остановится в своём развитии...

Глава 4

Первым Машино преображение заметил паренёк, с которым сёстры были в приятельских отношениях. Маша столкнулась с ним на лестничной клетке. Сосед Миша. У него на кожаном ремешке через плечо красовался новенький дорогой фотоаппарат. Маша оценила:

– Классная вещь! Где взял?

Миша засмеялся:

– А то ты не знаешь, где в наше время можно взять приличную аппаратуру?! Из загранки знакомый моряк притащил. Уйму денег пришлось заплатить!

Девушка понимающе кивнула:

– Ну, ты же фотограф, без хорошего фотика никак! Не на «Смену-8» же снимать?!

Миша обо всём, что касается его профессии, мог говорить часами. Он начал разливатьсь соловьём о том, что даже самый дорогой фотоаппарат в руках криворукого непрофессионала превращается в абсолютно бесполезную вещь. Потом он замер на полуслове и ошарашенно произнёс:

– Слушай, а ведь я тебя с сестрой перепутал... Машка, ты когда успела такими крутыми формами обзавестись? На Ольгу-то давно все парни в округе башки сворачивают... А сейчас и ты такая стала! О-го-го...

Маша смутилась:

– Дурак ты, Мишка!

Парень вскинул фотоаппарат со словами:

– Прислушайся к мнению профессионала! Ну-ка, повернись... Точёный профиль... Сто пудов, тебя камера любит!

Миша щёлкнул затвором фотоаппарата. Яркая вспышка резанула по глазам, Маша прикрыла лицо ладонью. Миша продолжал снимать на фотоаппарат, приговаривая:

– Маш, красоту не спрячешь! Радуйся, что не страхолюдина! Я знаю толк в фотографии! Получатся клёвые портреты, гарантирую!

Из квартиры вышла Ольга. Миша сделал несколько снимков, на которых сёстры вдвоём дурачатся и задорно смеются. Портреты получились эмоциональные, живые.

Сосед-фотограф как в воду глядел. Эти случайные фотографии, сделанные на фоне обычных стен в подъезде панельного дома дали старт Маше и её сестре в качестве моделей «Внешпосылторга». Миша кому-то показал фотографии, они понравились. С этого момента жизнь Маши и её сестры заиграла новыми красками. Это сладкое слово «фотомодель». На дворе середина семидесятых. СССР. Девушек, которые дефилировали по подиуму дома моды и снимались для журналов можно по пальцам пересчитать. Им завидовали миллионы.

Ольга оценивающим взглядом измерила Машу с головы до ног. И резюмировала:

– Шикарно! С этими «стрелками» глазищи просто на пол-лица! И тушь классная!

Маша и Оля стояли в одинаковых нарядах, которые, словно вторая кожа, облегли их точёный фигуры. Гримёры постарались, блондинки выглядели очень эффектно. Маша привычным жестом поправила платье в зоне глубокого декольте и подмигнула сестре:

– Ну, что, поднимем продажи промышленных агрегатов неизвестного назначения нашим товарищам из Югославии?

Ольга иронично заметила:

– Вот именно, «агрегатов неизвестного назначения»... Каждый раз ломаю голову, что за кучу железа мы продвигаем на рынке потенциальным зарубежным покупателям? Мотор от ледокола, что ли? Здоровенная штуковина.

– Даже не пытайся понять! Сеялка-веялка, карбюратор... Какая нахрен разница? Сама знаешь, к кому приковано внимание тех, для кого печатают эти промышленные каталоги!

Шутливую беседу сестёр прервал фотограф, который стремительным шагом пересёк съёмочный павильон, и начал устанавливать свет. Он скомандовал:

– Так, красотки, давайте энергично поработаем! У меня репортажная съёмка вечером. Генсек встречается с победителями соцсоревнования, мне надо увековечить их счастливые лица для передовицы печатных изданий.

Мария и Ольга встали слева и справа от молота кузнечно-прессовой машины. Замерли, приняв кокетливые позы и широко улыбнулись. Фотограф заметно оживился, глядя на девушек, даже пошутил, поправляя софиты:

– Боже, кто додумался всю эту красоту растрчивать на эту невообразимую... Не хочу выражаться матом... Нет, чтобы рекламировать кружевное бельё, духи, я не знаю... Что-нибудь изысканное... А у нас? Трубы, чугун, бред какой-то. Начнём?

Девушки замерли, резкие звуки шелкающего фотоаппарата разрезали тишину огромного павильона. Работа фотомоделей благодарная, но очень тяжёлая. Несколько часов на ногах, от долгого позирования затекает всё тело. Наконец-то фотограф произнёс:

– Надеюсь, плёнка окажется без брака... На днях весь снятый материал улетел «в корзину»! Сутки работали, грим, костюмы, декорации – псу под хвост! Отдыхайте, девочки!

Фотограф направился к выходу, потом остановился, словно вспомнил о чём-то, вернулся. Он пристально посмотрел на сестёр и начал издали:

– Барышни, я вот о чём хотел вас спросить... Я с вами, так сказать, неформально общаюсь... Могу сболтнуть лишнее. А вам, случайно, ещё не сделали предложение определённого рода?

Девушки переглянулись. Ольга пожала плечами и уточнила:

– Что за «предложение» вы имеете в виду? На «постель» намекаете?

Фотограф замялся и неуверенно продолжил:

– «Постель», как ты изволила выразиться – это часть плана... Ну, вы же знаете, что девиц в нашем бизнесе частенько «подкладывают» под «нужных» людей, чтобы они потом сливали информацию людям с Лубянки... Так вы получали подобное предложение?

Маша возмущённо затараторила:

– Мы не стукачки! И не девушки лёгкого поведения! За такие предложения любого пошлём далеко и надолго!

Фотограф усмехнулся:

– Не зарекайтесь, девочки, вы ведь ещё недавно здесь работаете... Бывают предложения, от которых НЕВОЗМОЖНО отказаться...

Он повернулся и пошёл, как-то резко ссутулившись, сморкаясь в большой клетчатый носовой платок.

Маша и Ольга облегчённо выдохнули, на ходу сбрасывая узкие туфли-лодочки на тонкой шпильке. Ольга кивком головы указала в дальний угол павильона:

– Там кофе в термосе и бутерброды с «докторской»! И ни слова о том, что от них задница растёт!

Маша засмеялась:

– Надо подкрепиться, а то в гостях жевать неудобно, когда вокруг такие люди! А ОН будет?

Ольга с наигранным придыханием томно промолвила:

– Вартанчик обещал, что будет! Собственной персоной... Вся богема... И мы...

«Вартанчиком» Ольга называла Вартана Петросяна – сына знаменитого шахматиста Тиграна Петросяна. Молодой человек вращался в модной тусовке. Был вхож в дома многих знаменитостей. Ольга и Маша были в приятельских отношениях с ним. Парню доставляло удовольствие появиться на каком-нибудь светском рауте или дружеской вечеринке под руку сразу

с двумя ослепительными блондинками. Троица мгновенно оказывалась в центре внимания, Варган с нескрываемым удовольствием представлял своих спутниц:

– Господа, знакомьтесь, Оленька и Машенька. Между прочим, фотомодели «Внешпосылторга»!

Это был его любимый трюк. Присутствующие немедленно клевали на эту фразу и начинали наперебой осыпать девушек комплиментами:

– Да, да! Очень знакомые лица! А я-то думаю, где же я вас видел?! На обложке!

– Барышни, вы великолепны! Это же вы позировали для мартовского выпуска журнала «Силуэт»? Там на обложке потрясающая блондинка с лиловыми цветами из шёлка в волосах. Это вы, Ольга? Или вы, Мария?

Девушки едва сдерживались, чтобы не рассмеяться, подыгрывали Варгану:

– Знаете, столько съёмок! Даже не успеваем отслеживать, где и что напечатали!

Варган наслаждался произведённым эффектом, галантно раскланивался и отлучался «на минуточку». А вокруг девушек начинали «нарезать круги» потенциальные ухажёры всех мастей. Были среди них и очень приличные и интересные мужчины. Благодаря Варгану сёстры не раз оказывались там, куда доступ «простым смертным» был заказан.

Глава 5

Ольга и Мария, сидели на кухне дома, расположенного в старинном центре Москвы. Утопая в клубах сигаретного дыма, они неспешно отпивали из бокалов красное сухое вино и прислушивались к разговорам окружающих. Хозяин квартиры открыл балкон, чтобы проветрить помещение, приговаривая:

– Его в театре задержали! Зал стоя полчаса аплодировал, не отпускали со сцены!

Кто-то спросил:

– А ОН на своём «мерсе» приедет?

Хозяин квартиры – с характерной усмешкой, означающей «разве может быть иначе?» – подтвердил:

– Ясное дело! Говорят, когда он в ГАИ приехал машину на учёт ставить, у всех челюсти отвисли! Первая такая «тачка» в Москве! Из-за бугра!

Маша шепнула Ольге:

– «Мерседес» цвета «голубой металлик». Представь! Вся театральная тусовка только об этом и говорила, когда Высоцкий начал на нём по городу гонять...

Ольга кивнула:

– Ну да, это вам не «горбатый» «Москвич»... Мы с тобой тоже шикарно в такой тачке смотрелись бы...

И тут присутствующие оживились, все прильнули к окну, переговариваясь:

– Володя приехал!

– Водочку из холодильника доставайте! И коньячок!

Он появился в дверном проёме, присутствующие даже не пытались скрыть восторг, со всех сторон раздавались приветствия:

– Владимир Семёныч! Володенька, дорогой ты наш!

Высоцкий отдал кому-то свою гитару, снял модную джинсовую куртку, остался в лёгкой рубашке. Присутствующие, похлопывая артиста по плечу, расступились, пропуская к импровизированному фуршетному столу. Он выпил, ему протянули гитару, сел на венский стул из морёного дерева и замер на несколько секунд, прислушиваясь к себе. Он коснулся струн, как бы примеряясь, потом взял первые аккорды и его хриплый голос властно перекрыл все остальные звуки:

– Что за кони мне попались?! Привееред-ли-вые...

Жители окрестных домов наверняка были уверены, что голос Высоцкого звучит с кассетника, что в ту пору было повсеместно. И только несколько человек в этот момент видели гения воочию, наслаждались его невероятной харизмой. Находясь вблизи этого человека, женщины мгновенно считывали его сексуальный магнетизм. Этот его фирменный прищур. Он без всякого смущения выбирал себе в слушательницы кого-нибудь из красивых женщин и становилось понятно, что он посвящает своё выступление ей. А потом, когда гости расходились, поэт и очаровавшая его девушка оставались тет-а-тет. Он пронзительно и тонко исполнял любовную лирику, пристально глядя в глаза:

– Волшебную невидимую нить, которую меж ними протянули...

Творческим людям нужна подпитка, им необходимо находить новую музу, испытывать острые чувства. Кто знает, быть может какая-то из песен Высоцкого навеяна впечатлением от встречи на том самом «квартирнике»...

Глава 6

Настал момент, когда сёстрам нужно было, выражаясь казённым языком «определяться с профессией». Маша помнила, как рвал душу Владимир Семёнович на тех домашних концертах, где она была. Не на сцене, перед забитым битком залом, а в прокуренной кухоньке, где всего несколько слушателей. Он пел «на разрыв аорты», как в последний раз. Он проживал каждую песню. Для этого был создан, чувствовал своё предназначение. Маша видела себя только артисткой. Очень сложно не ступешаться после встреч с такими Великими Артистами, как Высоцкий. Ведь выходить на сцену можно только, если ты готов вот так вывернуть наизнанку душу.

Отец Маши суетился, в сотый раз проверяя, безупречно ли накрыт стол. Ещё бы! Ждали легендарных Тамару Макарову и Сергея Герасимова. Небожители. Знаменитости. А Маша в этот момент высказывала Ольге все свои сомнения:

– А если они скажут «ну какая из тебя актриса?!»

Ольга мотнула головой:

– Даже не думай! Если тебя фотокамера любит, то и кинокамера полюбит! Актриса должна быть такой, чтобы глаз не оторвать! Чтобы до мурашек! Ты такая и есть! Будешь звездой экрана!

Маша возразила:

– Оль, ты про красоту, а я про талант! Красивых много, а вот, чтобы как Высоцкий... Даже не красавец, а талантищем своим с ног сшибает...

– Так этому тебя в училище научат! Зря, что ли, все эти системы Станиславского, Чехова, который Михаил? Ты же способная! На гитаре играешь офигенно, голос – от Бога!

Маша раздражённо отмахнулась от сестры:

– Это всё не то! Смогу ли я влезть в чужую шкуру? Так, чтобы зритель поверил, что это Джульетта или... Офелия... А сейчас ещё надо уметь какую-нибудь женщину героической судьбы играть...

Ольга иронично заметила:

– Не, Маш, женщина героической судьбы из тебя, как из кое-чего пуля! А тебе и не надо! Ты будешь какой-нибудь, вот как «Анна на шее»... Или трагедии Шекспира, чтобы роковая красотка, из-за неё терзаются и убивают, кончают жизнь самоубийством! Чтобы такие страсти кипели!

Маша засмеялась и шутливо прикрыла сестре рот ладошкой:

– Всё понятно, я просто обречена прославить нашу фамилию и стать звездой Голливуда! Для начала надо, чтобы Макарова и Герасимов басню до конца дослушали!

Ольга оживилась:

– Вооот! Это другой разговор! Ты им так «Слона и моську» или что там у тебя?

– «Стрекоза и муравей»...

– Стрекозу эту так изобрази, чтобы онемели от восторга... Ты сможешь, я же тебя знаю!

Маша неуверенно вздохнула, как-то сникла:

– Не знаю... Они же такие... Мэтры...

Ольга крепко хлопнула сестру по плечу, та аж сморщилась от увесистого удара:

– Не дрейфьте, Мария, скоро вам будут рукоплескать стоя в лучших театрах Москвы! Машка, у них же ещё зарубежные гастроли бывают! Суточные в валюте, шмотки заграничные...

Резкий звук дверного звонка прервал диалог сестёр, за дверью комнаты послышались голоса родителей и гостей:

– Здравствуйте! Здравствуйте!

– Там в ванной полотенце белое! Мойте руки и за стол!

– Моя сегодня заливное сделала! И икорка, конечно... Гусь в духовке томится, к столу, к столу...

Макарова и Герасимов дружили с родителями Маши. Познакомились на одном из приёмов в Кремле. Отец – лётчик, у него были все шансы стать космонавтом. Он входил в число тех счастливых, которых вместе с Юрием Гагариным отобрали для подготовки к первому полёту в космос. Не случилось... Подвела родословная жены – матери Марии и Ольги. В какой-то момент стало известно, что выходец из Сибири женился на представительнице старинной шведской династии. Такое родство не приветствовалось. Да и предки отца, владевшие золотыми приисками, не вписывались в каноны того времени. Первым космонавтом должен был стать человек с безупречной репутацией и образцово-показательной биографией. То есть, русский, выходец из рабоче-крестьянской семьи, без всяких связей с иностранцами.

Маша и Оля ждали, когда взрослые достигнут «определённого градуса». Те уже раскраснелись, расслабились, непринуждённо общались. Отец даже рассказал пару не очень приличных анекдотов. Гости смеялись, потом родители послали Машу за гитарой:

– Маш, где у нас инструмент? Душа песен просит! Романсов, исполненных надрыва!

Маша принесла свою гитару. На корпусе недорогого инструмента красовались немецкие переводки с девушками. Тогда такие переводные картинки можно было встретить повсюду: на портфелях и сумках школьников, в салонах машин, на зеркалах в квартирах. Честно говоря, не самые симпатичные модели были выбраны для масштабного тиражирования, на эталон красоты они явно не тянули. А в нашей стране эти технологии ещё не освоили, уделом русских фотомоделей была печатная продукция, произведённая в скромных условиях отечественной полиграфической промышленности. Взрослые пели сами, потом попросили Машу что-нибудь исполнить. Ольга взглядом показала, что вот он – подходящий момент, чтобы «уложить на обе лопатки» своим талантом именитых гостей. Маша начала с песни из репертуара Бичевской. Все затянули вместе с ней:

– По диким степям Зааа-бай-кальяяя....

Когда спели десяток песен, Ольга толкнула под столом Машу ногой и шёпотом скомандовала:

– Давай!

Маша встала и, стараясь, чтобы голос не дрогнул и звучал уверенно, произнесла:

– Тамара Фёдоровна, Сергей Апполинариевич... Можно, я прочитаю басню?

Отец Маши был уже подшофе, не понял, что за причуда у дочери:

– Машуль, ну какие басни? Гостям в театре этого добра хватает... Давайте поднимем тост!

Но гости проявили уважение к просьбе девушки. Макарова сразу поняла, в чём дело:

– На актёрское собираешься? Басню на прослушивание готовишь?

Маша кивнула. И наткнулась на изумлённый взгляд отца. Он всем видом показал, что при гостях промолчит, но потом Машу ждут большие неприятности... Она не отступила, громко и чётко начала декламировать:

– Попрыгунья стрекоза лето красное пропела...

Макарова и Герасимов слушали сначала просто вежливо, потом более заинтересованно, в конце с улыбкой аплодировали. Макарова доброжелательно кивнула:

– Весьма недурно! Я, честно говоря, опасалась, что мне придётся слукавить, похвалить, даже если всё будет не очень здорово... Но не пришлось!

Она засмеялась и вопросительно посмотрела на мужа, Герасимов поддакнул:
– Определённо, у тебя есть способности... И то, что ты поёшь и играешь на гитаре – большой плюс! Для актёров это важно! Готов взять без экзаменов на свой курс...
Макарова подняла бокал:
– Предлагаю тост! За то, чтобы у этой девочки всё получилось! За тебя, Машенька!
Но помни, что актёрский хлеб очень нелёгок, потом и кровью даётся...
Зазвенели бокалы. А после ухода гостей, стены содрогались от крика отца:

– В доме советского лётчика, проректора МАИ, коммуниста, никогда не будет дочери-артистки! Все актрисы – проститутки, готовые ради роли лечь под первого встречного, кто им эту роль пообещает!!!»

Доводы Маши о том, что у них в гостях только что побывала великая актриса, а вовсе не проститутка, отец пропустил мимо ушей. Свою гневную речь отец закончил словами:

– Я сказал – в медицинский! В этой стране нужна нормальная профессия! Врач, учитель, а не эти все профурсетки!

Глава 7

Так на мечте Марии о карьере актрисы был поставлен «жирный крест». А она слегла. Возможно, произошло то, что теперь принято называть модным словом «психосоматика». А может быть, просто стечение обстоятельств. Организм дал сбой. Какое-то воспаление. Гланды. Долгое лечение, закончилось всё осложнением на сердце. Надо было сдавать выпускные экзамены в школе, а сил не было. Врачи твердили о необходимости соблюдать постельный режим и запретили сдавать экзамены. Единственным приятным моментом в тот период стало то, что Маша была избавлена от общения с классной руководительницей. Самодурка и тиран – учительница отравляла жизнь всем своим ученикам. Её ненавидели. Её боялись. И считали дни до выпускного вечера, после которого можно было вырваться из того ада, в который превратила жизнь учеников эта дама.

Ольга прекрасно сдала экзамены, могла легко поступить в престижный медицинский ВУЗ. А Машины успехи были гораздо скромнее. Но сёстры не допускали мысли о том, что будут поступать в разные учебные заведения. Подали документы в медучилище. Без проблем поступили. Учёба Машу не особо занимала, а вот свои артистические способности она умудрилась раскрыть именно здесь. Казалось бы, как творческому человеку блистать талантами в суровых условиях подготовки к медицинской профессии? Но пути Господни неисповедимы... Есть такой знаменитый Дом медика на Герцена. На сцене этого дома культуры Маша и сорвала свои первые бурные аплодисменты за исполнение песен под гитару.

А потом случилось то, что можно назвать персональным адом человека. До Дня рождения сестёр оставался один день. Это предчувствие праздника переполняло их. Восемнадцатилетие! Они уже шутили на эту тему:

– Машуль! Совсем старушками завтра станем! Тридцать шесть свечек на двоих!

– Наконец-то! Совершеннолетие! Больше никто не будет указывать, на кого учиться, с кем встречаться!

– Маш, а ты какое желание загадаешь, когда будешь свечи задувать?

Маша смутилась, а Ольга стала подтрунивать:

– Дай-ка, прочитаю твои мысли... Ты же в курсе, что близнецы могут телепатически общаться?

Ольга начала делать пассы руками, как это обычно делают экстрасенсы, она «загадочным» голосом шуточно предсказывала:

– Вижу, Мария, что вы мечтаете не о принце на белом коне, а о будущем дипломате на красной «Вольво»...

– Оль, хватит дурачиться, это уже не смешно...

Ольга стала серьёзной:

– Машуль, прости... Я думала, что отболело... Вокруг столько парней, все на тебя заглядываются! Вон, этот блондин из параллельной группы по тебе сохнет. Высокий, красивый, ну замутила бы с ним что-нибудь, в кино, в театр... Что тебе ещё надо?

Маша погрузилась:

– Оль, не лежит у меня душа ни к этому блондину, ни к другим мужикам... Стоило хранить девственность, когда все ровесницы уже по три аборта сделали, чтобы размениваться на всяких придурков?

Ольга пожала плечами:

– Да ладно... Подумаешь, с парнем в кино сходить, поцеловаться... Что такого-то?

– Да ничего, каждый сам решает, что ему делать... Может быть, я когда-нибудь стану циничной и прожжённой, как вон Ирка с третьего этажа. Меняет мужиков как перчатки каж-

дый день новый кавалер, но сейчас я так не хочу! Первый поцелуй должен быть с тем, кого любишь, и первый секс тоже!

Маша накинула пальтецо прямо на короткий домашний халат и выпорхнула из квартиры. Она пересекала двор, направляясь к мусорке. Ведро с мусором выпал из рук, потому что девушке зажали рот ладонью, заломили резким движением руку и потащили за угол. Она только успела заметить, что машина, в которую её затолкали – красные «Жигули». Эту машину она не раз видела у Третьего городского пляжа в Серебряном бору. Бугай, скрутивший Машу, дыша перегаром, злобно прошипел:

– Сиди тихо и не дёргайся... Будешь вякать – получишь «перо» под ребро...

Машу на заднем сиденье два мужика удерживали, а за рулём гордо восседал «Урод» – тот самый отвратительный мужик, который не раз подкатывал к Маше с грязными предложениями. Девушка даже не заплакала. Она оцепенела от испуга. «Жигуль» мчался по трассе за пределы города, показались густые подмосковные леса. Похитители с издёвкой сообщили, что везут её убивать:

– Прощайся с жизнью, недотрога... Тебя где закопать? Под ёлкой? Или предпочитаешь могилку посреди опушки?

Бандиты заржали. У Маши едва не остановилось сердце. Кровь пульсировала в висках, казалось, время остановилось, пространство застыло, худший из кошмаров, какие даже представить страшно, превратился в реальность. Такого леденящего душу ужаса девушка никогда прежде не испытывала. Она понимала, что никакого сопротивления этим бугаям она оказать не в силах. Они могут глумиться и истязать её сколько и как угодно, а потом просто избавятся. Похитители по дороге пошло шутили. «Урод» насмешливо произнёс:

– Я же тебе говорил, что не надо быть такой заносчивой... Выпили бы шампанского, я умею быть нежным... Надо было головой думать, а не другим местом...

Маша почувствовала, что её затошнило. В горле стоял ком, было трудно дышать. Она ещё ничего не успела в этой жизни. Неужели, вот так нелепо оборвётся её жизнь, ещё толком и не успев начаться? И никто не в силах избавить её от подонков? Равнодушное солнце освещало путь, который для Маши должен был стать дорогой в один конец. Этот недоносок решил, что имеет право вот так распоряжаться судьбой девушки только потому, что она не приняла его ухаживаний.

Один из сидящих рядом мужиков заметил, что она побледнела, он начал хлопать Машу по щекам, чтобы она не потеряла сознание:

– Эй, ты блевать собралась, что ли? Слышь, давай уже в лес сворачивай, а то она уделает сейчас весь салон, да и отыметь её потом в падлу будет...

Машина резко свернула с трассы и остановилась в бору. Последнее, что запомнила Маша – мужские руки в наколках, которые плотно прижали ей к земле, плотно усеянной сосновыми иголками и отвратительный запах изо рта «Урода», который навалился сверху. Душу невинной девочки, мечтавшей сохранить девственность для любимого, растоптали, впечатали в грязь. Над хрупким телом глумились, распяв под соснами. Сколько таких же девочек были изнасилованы и замучены жестокими мучителями, которым сломали жизнь своим жертвам, а порой и вовсе её отняли?

Почему её оставили в живых? Быть может, в последний момент никто не решился добить жертву? Вряд ли, в озверелых нелюдах проснулось раскаяние. Скорее всего, «Урод» хотел потом ещё раз посмотреть Маше в глаза с победным видом, надеясь увидеть перед собой сломленную жертву.

Через несколько часов красные «Жигули» притормозили у Машиного дома, её – растерзанную – выбросили с заднего сиденья на землю. Машина рванула с места и скрылась за углом.

Глава 8

Маша стояла в ванне, сверху из лейки душа били по телу острые струи воды. Девушка невидящим взором смотрела на трещины в кафельной плитке и машинально тёрла себя жёсткой мочалкой. Словно пытаясь смыть не только слёзы, кровь, вьёвшуюся глину и следы насильника с тела, но отчаяние и боль, которые заполнили душу. Нематериальная липкая грязь, от которой невозможно избавиться. Робкая девочка, никогда не знавшая близости с мужчиной, она не могла прийти в себя после пережитого ужаса. Что теперь с этим делать? За что с ней так поступили? Ощущение бессилия, гнев, стыд, страх – всё смешалось и душило, не давая дышать. Невозможно было стереть из памяти этот кошмар и невозможно было от него отмахнуться. Всё сломано, разрушено и нельзя это исправить.

Маша несколько часов лежала в ванне, наполненной до краёв. Вода давно остыла, а у девушки не было ни сил, ни желания что-то делать. Она мысленно перебирала способы покончить со всем этим внезапно свалившимся на неё грузом. Полоснуть по венам опасной бритвой отца, которая маячила перед глазами на полке, отливая холодным блеском металла? Это выход? Она вспомнила, как врач «скорой», который преподавал в медучилище, травил байки:

– Мой вам совет, барышни, не надо от несчастной любви резать себе вены. Не самый эффективный способ. Вены быстро спадаются, вы не умрёте, а родных напугаете. Родственники обычно падают в обморок, когда видят родное чадо в ванне, наполненной красной от крови водой...

То, что так забавляло ценителя чёрного юмора – бывалого циничного доктора, сейчас отрезвило девушку и удержало от страшного поступка. Она перебирала в мыслях все известные способы суицида. Проучившись в медучилище хоть и ещё совсем немного, знала, что трупы людей, покончивших жизнь самоубийством, выглядят отвратительно. Она не могла представить, что родные найдут её тело в петле с жуткой бороздой на шее и другими страшными признаками удушения. Почему этот «Урод» решил, что может взять силой всё, на что упал его взгляд? Ответа на этот вопрос не было. Как не было и понимания, что теперь со всем этим делать...

Маша решила поговорить с матерью. Но та сначала даже не поняла, о чём ей собирается сообщить дочь. Подумаешь, синяки на шее и запястьях?! Кавалер дочери оказался грубоват, не очень умело повёл себя с девушкой?! Маша поняла, что нет смысла ни чего доказывать и объяснять, просто бросила короткую фразу:

– Я иду в милицию. Напишу заявление, что меня изнасиловали. Ты идёшь со мной?

Мать в этот момент осознала весь масштаб трагедии, которая случилась с её дочерью. Она на подкосившихся ногах добрела до дивана, села, обмякла и заплакала, закрыв лицо руками. А слёз Маши с тех пор больше долго никто не видел.

В отделении милиции толстый потный милиционер выдал Маше лист бумаги, чтобы она написала заявление, равнодушно через стол наблюдал, как она пишет и привычно бубнит:

– Наш врач фиксирует следы побоев... Покажешь свои синяки и всё такое...

Он увидел, что фамилия обвиняемого, которую указала Маша в заявлении «Колесников». Милиционер ткнул пальцем в строку, уточнил:

– Это тот Колесников, который на Третьем пляже шашлычную держит? Ты знаешь, КТО у него отец?

Он отрицательно мотнул головой:

– Можете сразу эту бумажку порвать и в урну выбросить...

Мать Маши возмущённо всплеснула руками:

– А кто он такой, этот Колесников, что ему можно измываться над несовершеннолетним ребёнком и ничего ему за это не будет?

Мент цинично ухмыльнулся:

– Мамаша, вы тут голос не повышайте, я при исполнении, могу и в «обезьянник» упечь...

Это во-первых... Во-вторых, сколько ей лет?

Маша равнодушно произнесла:

– Сегодня восемнадцать исполнилось...

Милиционер кивнул:

– Вот, значит, совершеннолетняя... С чем тебя и поздравляю... А на Колесникова этого каждую неделю заявки приносят, что он девок... того... И ни одно до суда не дошло, у него крепкие «повязки». Не теряйте зря время... А в тебя пальцем будут тыкать, тебе оно надо?

Мать от бессилия тихо заплакала. Маша скомкала заявление, бросила в урну возле стола милиционера и вышла из отделения милиции. Мать семенила рядом с Машей и приговаривала:

– Маша, ну ты видишь, что творится? Нигде правды нет! Ну ничего! Отец не даст это дело замять! У него же есть связи, он добьётся, чтобы этот мерзавец оказался на нарах...

Маша отмахнулась от матери:

– Мам, не надо приплетать отца, его знакомых... Ничего не надо... Я не хочу больше ничего об этом слышать!

Мать вытерла слёзы и твёрдо произнесла:

– Бог всё видит! Этой твари не сойдёт с рук! Помяни моё слово, доченька!

Через несколько лет к Маше на пляже подошёл мужик с татуировками и спросил:

– Это ты Маша, которую Колесников в лес вывез?

– Да...

Ты отомщена... Он давно закопан...

Жизнь Маши с тех пор поделилась на «до» и «после». Ольга старалась оберегать Машу от любых упоминаний о беде. А сама она просто запретила себе думать о том, что всё было бы иначе, если бы... Нет никаких «иначе» и «если бы», есть твоя жизнь, и нельзя никому позволять сломать тебя! Надо идти и жить дальше.

Глава 9

Она взяла гитару и вышла на сцену Дома медиков. Когда-то она впервые прикоснулась к инструменту. Детские пальцы неумело удерживали гриф, другой рукой пыталась приручить струны, чтобы извлечь нужные звуки. Подушечки пальцем, стёртые чуть не до крови, разочарование оттого, что всё идёт трудно. Часами напролёт она оттачивала своё мастерство. Теперь никто не распознает в ней самоучку. Научилась прекрасно аккомпанировать себе. И вот в зале Дома медиков фантастический успех. Её исполнение нашло отклик в душах зрителей. А она словила тот кайф, который потом всю оставшуюся жизнь гонит артиста на сцену, чтобы поделиться своим творчеством с другими людьми.

Были в жизни Марии и самые настоящие гастролы. Началось всё с телефонного звонка: – Мария, твой номер телефона мне дал Витя Косых...

Это был тот самый Виктор Косых, которого вся страна знала по роли в фильме «Неуловимые мстители». В данный момент у него были непростые отношения с горячительными напитками и острая нужда в деньгах. С неким Желудковым они придумали организовать выездные концерты по подмосковным домам отдыха. Это сулило некоторую прибыль. Вот этот Желудков и позвонил Маше с предложением:

– Ты ведь хорошо поёшь?! О твоих концертах в Доме медиков уже ходят слухи в музыкальной тусовке... Не хочешь заработать немного денег?

Маша сначала без оптимизма отнеслась к перспективе мотаться по области. Но Желудков сумел её убедить:

– Там подбирается очень приятная компания... Артисты, музыканты, и Витя тоже будет что-то типа творческих встреч со зрителями устраивать... Соглашайся, чего молодой красивой дома киснуть?

И она принялась паковать чемодан.

Глава 10

Публика в санаториях была благодарная. Разморённые знойным солнцем, ароматом разогретой сосновой смолы, утомлённые негой приятного ничегонеделанья, зрители битком забивали залы Домов культуры при домах отдыха.

В концертах участвовал саксофонист Клейнот. Играл на гитаре будущий солист «Любэ» Николай Расторгуев. Тогда ещё просто скромный начинающий музыкант. Косых потешал публику актёрскими байками, а Маша пела песни из репертуара знаменитостей семидесятых: Аллы Пугачёвой, Жанны Бичевской, Дины Верни. Желудков рулил всем гастрольным процессом в качестве администратора. Публика рукоплескала Марии и её коллегам, стали привычными овации и восторженные крики:

– Браво! Браво! Бис! Блондиночку на сцену!

Зал неизменно подпевал Маше:

– К нам любовь пришла неожиданно
Словно песенный мотив
Словно чудо, словно тайна
Все вокруг переменив...

Гастроли не обошлись без экстрима. Косых в пьяном угаре устроил стрельбу из ружья прямо в бассейне одного из домов отдыха. Причина точно неизвестно, но что-то из разряда «шерше ля фам». То ли приревновал свою женщину, то ли она его, но он чуть не порешил и её, и некоторых граждан, попавших под горячую руку. Он палил и выкрикивал:

– Всех поубиваю! Никто от Виктора Косых ещё живым не уходил!

Возможно, в своих пьяных фантазиях он видел себя неуловимым мстителем, но это была не съёмочная площадка. Всё могло закончиться трагедией и реальным тюремным сроком. Скандал с трудом удалось замять. Очень может быть, что финансовые проблемы Косых сильно усугубились, платить пришлось из его гонораров.

Глава 11

Желудков нашёл для своих гастролёров отличный вариант, он торжественно объявил:
– Народ, вы вытянули счастливый билет! У вас есть такой гений как я! Что нас всех ждёт в ближайшем будущем?! Геленджик в разгар сезона!

Музыканты взвыли от восторга:

– Море! Солнце! Лучшие вина Краснодарского края!

Они давали каждый вечер концерты в ресторане «Русь». Мария обзавелась шикарным голубым сарафаном, который идеально подчёркивал грудь и талию. Юбка-клев с несколькими слоями капрона летала во время танцев, обнажая стройные загорелые ноги девушки. А танцевала Маша акробатический рок-н-ролл. Она зажигала на барной стойке под аплодисменты восхищённых зрителей. И пела песни под гитару, конечно. Её выступления шли на ура. Публика, подогретая алкоголем, вызывала артистку на бис раз за разом. У неё появился поклонник, который сначала просто не пропускал ни одного её выступления. Они встретились взглядами. И между ними заискрило так, что это почувствовали все окружающие. Он даже ещё не представился, но смотрел на неё с таким неподдельным восхищением, что она невольно начала танцевать и петь для этого её Главного зрителя. Потом он решился и подошёл:

– Мария... Маша... Я не могу подобрать правильные слова... Просто, я увидел тебя и пропал... Это сильнее меня...

Женская интуиция подсказала Маше, что этот яркий харизматичный парень впервые вот так откровенно признаётся девушке в том, что просто сражён наповал её красотой и талантом. По нему видно, что сердцеёд, наверняка знает подход к женщинам, умеет грамотно завлекать в сети своим обаянием. А здесь без всяких уловок просто «сдался на милость победителя». И Маша ответила ему взаимностью. Его звали Яков. И с ним девушка впервые позволила себе прожить все те моменты, наполненные любовью и страстью, от воспоминаний, о которых даже спустя годы бросает в жар. Он всё время повторял, не выпуская её из объятий:

– Это какое-то наваждение... Морок... Я ни о ком и ни о чём думать не могу, кроме тебя...

Он вдыхал аромат её волос и тела, пропитанных морскими бризами и душистым запахом акаций. Она прижималась к этому мужчине, который как-то неожиданно стал самым близким и родным:

– Яш, ты же понимаешь, что лето закончится, придётся вернуться в Москву... А там...

– Я тебя никому не отдам...

На одном из выступлений в ресторане Маша привычно вспорхнула на барную стойку и зажигательно начала танцевать под звуки рок-н-ролла. Юбка лазурного цвета летала, девичьи ноги мелькали в чередующихся стремительных движений. Белокурые локоны металась в такт ритмичной музыки. Холодный оттенок сарафана подчёркивал глубину небесно-голубых глаз красавицы.

Дверь отворили пинком. На пороге стояли завсегдатаи ресторана – представители греческой диаспоры Геленджика. Греки обступили стойку. Маша видела их здесь каждый день и не почуяла того ощущения тревоги и опасности, которое разлилось в воздухе. Первым настоялся Яков и владельцы ресторана. Они повидали немало пьяных драк и поножовщины в стенах данного заведения. Рядом с барной стойкой отплясывал Николай Расторгуев. Видимо, его жизненный опыт тоже включал в себя умение вести себя в условиях назревающего мордобоя. Греки нагло скомандовали:

– Красотка, мы имеем честь предложить тебе покататься на яхте с настоящими греческими парнями... Отказ не принимается...

Маша обвела с высоты барной стойки наглых парней и сказала:

– С чего вы взяли, что я собираюсь с вами кататься?

Один из греков схватил Машу за запястье, чем вызвал ярость девушки:

– Убери руки! Если не хочешь, чтобы я тебе сломала пальцы! Отвалите от меня и никогда не приближайтесь!

Другой грек попытался стащить несговорчивую девушку с о стойки и закинуть на плечо. Он огрѐб от неё удар в пах коленом и оплеуху от Якова. Тот успел метнуться на помощь Маше. И отбил её у грека. И тут начался армагеддон. Владельцы ресторана проворно взобрались на чердак, оттуда через окно они увидели, что есть все шансы остаться без ресторана. Двадцать греков сцепились с музыкантами и артистами, которые прервали концерт и ввязались в эту грандиозную разборку. Дерущиеся крушили мебель, звенели осколки разбитых окон. Обломки мебели летали, приземляясь в головы участников потасовки. Дрались инструментами: вдребзги разбивались гитары, летали барабаны от ударной установки. Крики:

– Машка, беги! Пригнись и беги!

– Сволочи, вы мне башку проббили!

– Перестаньте!

– Что вы делаете? У него же кровь идёт!

– Вызовите милицию кто-нибудь...

Побоище выплеснулось за пределы разгромленного ресторана. В рукопашном бою сошлись Яков и один из греков. Греки не гнушались нападать вдвоём и втроём на одного. Дерущиеся были в крови и грязи. Буквально за несколько минут представители обеих сторон получили травмы и синяки. Стоял такой вой, что хозяева ресторана не нашли иного способа усмирить толпу, кроме как дать пулемётную очередь из «Максима» над головами дерущихся. Это произвело эффект холодного душа на разбушевавшихся граждан. История умалчивает, откуда у братьев – близнецов, владеющих рестораном, появился пулемёт времён Гражданской войны, но в той ситуации он оказался очень кстати. Пули свистели над участниками драки. Они падали на землю, прикрывая затылки окровавленными руками. Во время всей этой суеты Расторгуев дотащил Машу до соседнего двора и перебросил через забор, за которым визжали обезумевшие от страха свиньи. Это был загон свинарника. Вся в навозе и соломе Маша ползком пересекла двор, перелезла через забор и со всех ног понеслась прочь. А возле ресторана кричали братья-пулемётчики:

– Кто дёрнется – получит пулю! Я сказал, успокоились все! Ме-едленно поднимаемся и валим отсюда!

– Сволочи! Весь ресторан разгромили! Падлы, вы же каждый день здесь жрали и пили!

Маша, что называется «огородами», добралась до деревянных домиков, в которых обитали артисты во время гастролей. Здесь отдыхали после выступлений в «Руси», занимались любовью, приходили в себя после кутежа и ночных купаний в море при луне. А сейчас они «зализывали раны» после побоища с греками. Досталось всем крепко. Фиолетовые фингалы, потёки крови на лицах и других частях тела. Маша осмотрела свой порванный и пропитанный свиным навозом сарафан. Наряд был безнадежно испорчен. Но ей повезло больше других в том, что внешность её почти не пострадала. Содранные коленки после передвижения по-пластунски во время спасительного бегства с места нападения – не в счёт. Только чувство юмора помогло артистам не впасть в уныние. Отходили от нервного потрясения, разливая красное вино по разномастным сосудам – стаканам, кружкам, шутили:

– Не, вы видели, как я вдарил этому самому здоровому? Придётся ему на стоматолога сильно потратиться! Все передние зубы выплюнул после моего хука справа!

Кто-то дул Маше на пораненные коленки и приговаривал:

– Маш, ну «девочка-беда» – твоё второе имя! Надо обработать раны... Чёрт, где-то был лейкопластырь, не могу найти...

Расторгуев шутливо извинился:

– Маша, прости, обычно не в моих правилах барышень через забор как куль с картошкой бросать, но другого способа отбить тебя от этих мразей не было...

Все обратили внимание, что саксофонисту Клейноту досталось меньше всех. Похоже, он отсиделся где-то в сторонке, не ввязался в драку. Чистый и аккуратный он попилал винцо, но потом, перехватив взгляды коллег, принялся изображать боли в боку:

– Что вы на меня так смотрите? Мне тоже досталось «по самое не хочу»! Этот Панайотис, или как там его... он мне под дых так дал, что, похоже, отбил селезёнку, сволочь...

Маша оглядела избитых парней, которые вступились за неё, не побоявшись толпы разъярённых греков:

– Ребята, спасибо... Я не знаю, что на этих мужиков нашло...

Кто-то перебил:

– Что «нашло»? Оборзели они тут совсем. Лёгкие деньги! Отдыхающие втридорога за любую халупу в сезон платят. Койко-место сдал и загорай, да в ресторане штаны протирай. Пресытились... А тут артистка! Экзотика!

– Привыкли, что им ни одна девка не отказывает, мрази... «На яхте покатаемся»! Мне кажется, после сегодняшней переделки, у них надолго отпадёт желание к женскому полу приближаться...

Кто-то заржал и пошло пошутил:

– Грекам отбили и желание на яхте кататься, и ещё «кое-что» тоже отбили... Не скоро половая функция восстановится...

На побережье спустилась ночь. На юге темнеет рано. Музыканты разбрелись по домикам, уснули после тяжёлого дня. Маша не спала, волновалась, до сих пор не было вестей от Якова. Глубокой ночью он тихонько поскрёбся в дверь. Маша впустила его. Ему досталось больше всех. Сильно избит. Рубаха стоит коробом от засохшей крови. Девушка осторожно поцеловала его в раздувшиеся от безжалостных ударов губы. Яков даже говорить нормально не мог, с трудом прошепелявил:

– Маш, тебе надо срочно отсюда уезжать... Они просто так не отступят. Шакальё... Стаей нападут со спины внезапно...

И в этот момент раздался звук приближающихся машин. На большой скорости подъехали к деревянным халупам, которые сняли музыканты для проживания. Раздался скрип тормозов и топот ног. Лязгнул металл. Это были греки. Они ударами ног вынесли ветхие двери и начали беспорядочно избивать всех подряд намотанными на кулаки тяжёлыми цепями. Спящие люди, неготовые к внезапной атаке, были лёгкой добычей. От боли нещадно избиваемые жертвы стонали и кричали. Отбивались как могли и чем могли, в том числе дужками от железных кроватей. Шансов уйти живыми ни у кого просто не было. Греки издевались с особой жестокостью, приговаривали:

– Вы на кого дёрнуться посмели?

– Здесь вам не Москва! Всех рыбам скормим!

– Где девка?

Машу выволокли из домика, сбив Якова с ног ударом цепи по лицу. Темноту разрезал свет фар приближающейся машины. Братья-близнецы на «копейке» на всех парах неслись к месту очередного побоища. Скрип тормозов. Распахивается задняя дверь автомобиля. Раздаётся пулемётная очередь и крики с матами братьев-близнецов:

– У вас одна минута! Вышли все сюда! Или здесь будет сплошной фарш!

Греки медленно начали выходить из домиков, не решаясь больше размахивать цепями. Один из братьев гаркнул:

– Блять, вы с одного раза не поняли, что ли? Минута пошла!!!

Греки побросали цепи, запрыгнули в свои машины и унеслись с поля сражения.

Утром, когда обычно происходит «распевка», распеваться никто не мог. Музыканты сидели, прикидывали, как им быть в сложившейся ситуации. Инструменты поломаны. Сами покалечены. Но они в неоплатном долгу перед братьями-близнецами, которым во время драки разнесли ресторан. Единственным верным решением было остаться, кто-то озвучил эту мысль:

– Парни, придётся помочь близнецам... Без наших выступлений им убытки не покрыть... Там мебели, витрин и окон на несколько тыщ побили...

Все закивали головами:

– Конечно, инструменты новые из Москвы с проводниками на поезде передадут, это не проблема... И сразу возобновим выступления...

«Клей», как называли в шутку Клейнота, протянул Маше билет со словами:

– Уезжай, иначе нас убьют...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.